

Л. НИКУЛИН

В Сороковых годах прошлого столетия поэт-юморист Мятлев получил известность, выпустив в свет заметки в стихах под названием «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже».

Критика того времени похвалила Мятлева за то, как он изобразил манеру выражаться, быт и кругозор тогдашней светской барыни.

Казалось, что может быть общего между путевыми заметками госпожи Курдюковой, выпущенными более ста лет назад, и книгой «княгини Зинаиды Шаховской» под таким названием: «Моя Россия, переодетая в СССР. Возвращение в родную страну».

Книга вышла в свет в Париже в 1958 году.

Для «княгини Зинаиды Шаховской» заграница оказалась в Советском Союзе, — дело в том, что в одиннадцатилетнем возрасте Шаховская, подобно многим титулованным особам, сбежала за границу, то есть на Запад. А тридцать девять лет спустя ей удалось посетить родину и даже выпустить свою книгу, написанную в духе сенсаций светской барыни — госпожи Курдюковой.

Как это произошло? Не будем касаться личной жизни княгини Зинаиды Шаховской, скажем только, что среди западных дипломатов оказался один, предложивший ей законный брак, и, прикрываясь его дипломатическим паспортом, как шитом, ее сиятельство прибыла в СССР и провела там некоторое время.

Забываясь о том, чтобы привлечь внимание скептиков-парижан к своей книге, госпожа Курдюкова — Шаховская не слишком надеялась на свой титул, обозначенный на обложке книги. Парижан научили быть осторожными «князя Сидороф» и «графы Попоф», на поверку оказавшиеся драпавшими из Новороссийска акцизными чиновниками. Поэту западный интеллект княгини Шаховской подсказал ей необходимость подробно расписать в предисловии свою родословную. Она напомнила французским читателям, что Шаховские — Рюриковичи, поведала французским читателям, что она в родстве с правителями Киевской Руси, и читатель может предположить, что Зинаида в детстве сживалась на коленях Владимира Красное Солнышко и играла в пятнашки с дочерьми Ярослава Мудрого, не говоря уже о самых близких отношениях с Владимиром Мономахом и Всеволодом Большое Гнездо. Ей могут поверить.

Но между прочим следовало бы знать Зинаиде Шаховской, что из ее предков некто Григорий Шаховской служил Дмитрию Самозванцу, пытался стирать государственную печать, попробовал «увлечь казаков на грабеж русских городов, что ему не удалось», меланхолически замечает летописец. Другой Шаховской, Семен, угодил в темницу действительно за темные дела, из которых самое безобидное было троеженство. Третий — Яков, лобызая руки Бирону, фавориту Анны Иоанновны, заслужил теплое место: управлял столичной полицией. И вот наследницу столь знаменитого рода издательство, выпустившее в свет ее книгу, рекомендует как даму, «отлично знающую русский язык, русскую психологию и к тому же проникнутую западной культурой».

Благодаря «отличному» знанию русского языка Шаховская уверяет, что ей удалось вести беседы «с многими советскими людьми».

Кто же эти «многие люди»?

Во-первых, домработница Таня, которая, по уверению Шаховской, должна была следить за хозяйкой в ее собственном доме, но обаяние княгини было так велико, что Таня вольно или невольно поведала ей беды советских женщин. Вторым информатором княгини был шофер такси, поклонник старины, растрогавший княгиню верностью заветам ее предков, — она даже снизошла до того, что пожалала ему руку. Затем на страницах книги возникает супружеская советская пара, которую княгиня привела в восторг нейлоновыми дарами, за этой парой появляется поэт-стиляга, которого будто бы трижды изгоняли за формалистические стишки из вузов, юноша, рыдавший на груди у Зинаиды, поклявшийся ей в преданности Западу, узким брюкам и абстрактной живописи. Дальше, как в театральном пьесе, упоминаются какой-то ветеран, две-три старухи, лица без речей, вернее, с антисоветскими речами, и, наконец, «друг» Зинаиды — таинственная личность под инициалами А. М., который открыл глаза княгине на советскую действительность, встречаясь с ней у себя в комму-

нальной квартире, в ГУМе, в романтической обстановке на кладбище.

Сообщая о всех своих беседах, княгиня не раз напоминает читателям, будто встречи с иностранцами представляют для советских людей страшную опасность и страх абсолютно сковывает уста советским людям. Просто удивительно, почему же «многие советские люди» так охотно открывали свои души эмигрантке, супруге дипломата; да еще титулованной особе. То ли у Шаховской волшебная власть над душами, то ли гипнотическая сила!

Все объясняется просто: никаких бесед с «многими советскими людьми» у Шаховской не было, и достаточно прочитать диалоги в ее книге, чтобы убедиться — они написаны в духе дешевых и пошлых антисоветских романов. Не было встреч ни в коммунальных квартирах, ни в ГУМе, ни на кладбище. Все выдумала Шаховская, чтобы пощекотать любопытство читателей. По рецептам авантюрных романов и гангстерских фильмов Шаховская описывает темные ночи, слежку за ней, таинственный автомобиль, преследование, словом, все аксессуары, которые полагаются в авантюрных сюжетах.

Хлестаков в юбке, госпожа Шаховская, желая расположить к себе читателей, рисует себя этойкой смелой, острой на язык аристократкой, которая так и резала правду-матку в глаза советским генералам. И это тоже выдумка, потому что советские генералы тактично и твердо указали бы сварливой и неумной госпоже Курдюковой — Шаховской ее место.

По уверению госпожи Шаховской, у нас запрещено не только фотографировать, но даже срисовывать московские дома. Тысячи туристов могут опровергнуть эту явную ложь. Точно так же вранье и то, что в нашей стране забыты Эйзенштейн и Пудовкин — замечательные мастера советского киноискусства.

Известно, что иностранные туристы в СССР ездят по стране, интересуясь тем, что обычно интересует каждого туриста. Зинаида Шаховская тоже побывала в Загорске, съездила в Ленинград, в Ясную Поляну и Киев. Но не Ясная Поляна, где Лев Николаевич Толстой создавал свои произведения, интересовала госпожу Курдюкову — Шаховскую. Нет! Ее тянуло в близлежащие места, туда, где некогда были уголья ее родителя — князя Шаховского. По словам дочери, он был «таким же крестьянином-земледельцем», как его бывшие крепостные. Однако этот труженик-пахарь владел не скромным наделом, а десятками тысяч гектаров земли.

С сентиментальностью, свойственной Курдюковой, Шаховская тожно вздыхает о детстве, когда она, резвясь, бегала за мотыльками в папашиных лугах. Ей хотелось повидать босоногих деревенских мальчуганов-сверстников, которые ныне стали бородатыми колхозниками. Состояние дорог в зимние месяцы не позволило ей это сделать. Жаль, с ней поговорили бы по душам товарищи колхозники, только вряд ли этот разговор доставил бы удовольствие такому знатоку русского языка, как «писательница» Шаховская (о том, что она «писательница», читатель узнает из списка трудов княгини, приложенного к книге).

Многое печалит Шаховскую в ее странствиях по СССР. И то, что Дворянская улица в Туле теперь называется улицей Комму-

наров, огорчает ее и отличная постановка музейного дела, которую она заметила в Оружейной палате в Москве, в Эрмитаже в Ленинграде, огорчают ее реставрационные работы в Киеве, в Софийском соборе, огорчают и миллионные тиражи советских изданий. И то, что ее печалит, она старается не замечать, деликатно обходит, отделяется двумя-тремя фразами — положительно не входит в ее компетенцию. В Эрмитаже ей так и не удалось увидеть кровать Александра II, это (еще бы!) крупное упущение наших музееведов.

Вообще, исторические экскурсы «писательницы» Шаховской не всегда точны: памятник Николаю I в Ленинграде она почему-то называет памятником Александру II, приписывает неведомому боярину Ртищеву письма Курбского к Ивану Грозному и считает, что храм Василия Блаженного построен итальянцами, а не Постником Яковлевым и Бармой, что известно любому нашему школьнику. Таким образом, знаменитая развесистая клюква «налицо» в произведении этой дамы.

Так как Зинаида Шаховская считает себя писательницей, то она любит щегольнуть цитатой из Владимира Соловьева, болтает о Достоевском, главным образом о реакционных его произведениях, цитирует в своем переводе Ключева и сует куда попало имена советских писателей, главным образом тех, кто приобрел печальную известность в связи с ошибками «Литературной Москвы» и «Нового мира».

Все это может вызывать только усмешку, но есть и наглая, бессовестная ложь. Из окна вагона, из своей машины Шаховская, мол, не видела ни одного трактора, ни одного автомобиля на дорогах страны, словом, трудно перечислить вздор, ложь, клевету, которые нагородила госпожа Курдюкова — Шаховская, посетившая нашу страну.

Но вдруг прорывается, видимо, против воли Шаховской, замечание, что никогда царская Россия не имела столько друзей за рубежом, сколько их имеет Советский Союз. Причина? Конечно, пропаганда, — с легкой руки Даллеса этим легче всего объяснить все: даже успех Гильельса и ансамбля Моисеева в Америке.

Мы закрываем «труд» Курдюковой — княгини Зинаиды Шаховской, путешествовавшей не с Востока на Запад, а с Запада на Восток. В конце концов, дело не в титуле автора. В нашей стране почитают не из-за титула, а несмотря на титул. Немало бывших титулованных живет и работает в Советской стране, есть среди них и рюриковичи, и потомки декабристов. Кстати, странно, что Шаховская не заметила на Советской площади памятник основателю Москвы князю Юрию Долгорукому.

Да и к эмигрантам мы относимся по-разному, есть среди них такие, кто участвовал в движении Сопротивления, в «маки» — французских партизанских отрядах, были и такие, кто погиб в застенках гестапо.

Книга Шаховской вряд ли произведет впечатление в наше время, слишком много людей Запада ездят в СССР и пишут не так, как пишет Хлестаков в юбке — Шаховская.

Наконец последнее: дипломаты вольны жениться на ком угодно, только Наполеон приказал Талейрану жениться на самой глупой женщине Парижа. Но все же следует быть разборчивее в выборе подруги жизни и остерегаться писательниц вроде Шаховской, в конце концов, это может отразиться на дипломатической карьере мужа.